

Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.)

Нуриза Шералкановна Кадыралиева

Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан
kadyralievanuriza5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>

Аннотация. Статья содержит исследование становления модели государственной политики в сфере высшего образования Кыргызстана в период с 1991 по 2021 г. Автор предпринимает попытку анализа образовательной политики Кыргызстана на основе моделей, выделенных Б.Кларком: государственно-патерналистская, либеральная, корпоративная модели. Сравнение моделей проводится на основе критериев: цели образовательной политики, уровень государственного вмешательства, финансирование образования, доступность образования. Анализируются некоторые аспекты влияния зарубежных акторов образовательной политики на формирование национального подхода к высшему образованию. Определяются два периода развития государственной образовательной политики в Кыргызстане и рассматриваются их особенности. Выявляются ключевые политические, экономические, социальные и технологические факторы, повлиявшие на выбор модели образовательной политики в Кыргызстане. Аргументируется, что к настоящему времени в стране сформировалась смешанная модель политики в сфере высшего образования (с признаками государственно-патерналистской и либеральной моделей), сохранившая черты советской высшей школы с элементами национального и европейского подходов.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Комлева Валентина Вячеславовна.

Ключевые слова: высшее образование, государственная политика в образовании, модель образовательной политики, Республика Кыргызстан

Для цитирования: Кадыралиева Н.Ш. Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.) // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 224–245, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-224-245](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-224-245)

Model Development of State Policy in the Field of Higher Education in Kyrgyzstan (1991–2021)

Nuriza Sh. Kadyralieva

Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
kadyralievanuriza5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>

Abstract. The article contains a study of the formation of a model of state policy in the field of higher education in Kyrgyzstan in the period from 1991 to 2021. The author attempts to analyze the educational policy of Kyrgyzstan based on models identified by B.Clark: state-paternalistic, liberal, corporate models. The comparison of models is based on the following criteria: educational policy goals, level of government intervention, financing of education, accessibility of education. Some aspects of the influence of foreign actors of educational policy on the formation of a national approach to higher education are analyzed. Two periods of development of the state educational policy in Kyrgyzstan are defined and their features are considered. The key political, economic, social and technological factors that influenced the choice of the educational policy model in Kyrgyzstan are identified. It is argued that by now a mixed model of higher education policy has been formed in the country (with signs of state-paternalistic and liberal models), which has retained the features of Soviet higher education with elements of national and European approaches.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Development of Communications for young scientists from foreign countries. The scientific supervisor is V.V.Komleva.

Keywords: higher education system, model of educational policy, model of state educational policy, the Republic of Kyrgyzstan

For citation: Kadyralieva N.Sh. Model Development of State Policy in the Field of Higher Education in Kyrgyzstan (1991–2021). Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 224–245, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-224-245](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-224-245)

Введение

Образовательная политика представляет собой формирование и реализацию интересов государства не только в отношении системы образования, но и развития человеческого капитала страны в целом. Конечной целью государственной образовательной политики является сохранение суверенитета, повышение конкурентоспособности системы образования, страновой социально-экономической модели, укрепление политической позиции государства. В этой связи образовательная политика всегда контекстуальна. Она отражает особенности контекста конкретной страны и стратегии ее развития, является компонентом внутренней и внешней государственной политики, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

Кыргызстан сформулировал основы государственной образовательной политики в ряде государственных документов, начиная с первого варианта закона «Об образовании» (был принят в 1992 г.) до актуального на данный момент закона «Об образовании» от 11 августа 2023 г. Стратегии политики в сфере высшего образования сформулированы в государственных Концепциях развития образования на 2012–2020 гг. и на 2020–2030 гг., Программе развития образования на 2021–2040 гг., государственной Доктрине образования Кыргызской Республики от 27 августа 2000 г. и др. Тем не менее окончательно национальная модель образовательной политики в сфере высшего образования пока не сложилась.

Целью данной статьи является анализ истории формирования национальных подходов к высшему образованию и истоков формирования модели государственной политики в данной области.

Материалы и методы исследования

Для определения типологии, принципов, субъектов образовательной политики Кыргызстана были рассмотрены диссертационные работы и монографии западных и российских исследователей, затрагивающих проблемы и механизмы формирования и реализации государственной политики в области высшего образования, глобальной модели образовательной политики [3; 4; 15; 16; 18; 21]. В исследовании были использованы некоторые идеи и разработки, представленные российскими исследователями постсоветской трансформации высшей школы в странах Центральной Азии, описана специфика государственной образовательной политики в Кыргызстане, в частности, вопросы интернационализации [9; 10]. Различные аспекты системы высшего образования изучаются и кыргызстанскими исследователями. Анализируются проблемы и перспективы присоединения Кыргызстана к западным моделям образовательной политики [5; 6], к азиатским интеграционным проектам [19], сотрудничества с Россией [19]; рассматриваются проблемы обучения студентов в иностранных вузах [22], вопросы многоуровневой системы образования [2], присое-

динения к Болонскому процессу, административно-правового регулирования вхождения высшей школы Кыргызской Республики в международное образовательное пространство [11; 12], трансформация высшего образования и перспективы моделей университетов в Кыргызстане¹, оценивается интеллектуальный потенциал Кыргызстана², потенциал кыргызских университетов как международных акторов [17], эффективность моделей финансовой автономии вузов [23] и т.д. Выводы и результаты данных исследований были критически осмыслены и использовались в нашем исследовании.

Таким образом, образовательная политика Кыргызстана является предметом анализа как кыргызстанских, так и российских исследователей. В данном исследовании нас интересует, какая модель образовательной политики складывается в Кыргызстане и отражает ли она цели и задачи развития страны, способствует ли повышению конкурентоспособности Кыргызстана.

Основу методологии исследования составили системный подход, институциональный подход, акторный подход, концепция глобального управления Т.Вайса и Р.Такура. При определении доминирующего типа образовательной политики Кыргызстана мы опирались на подход, разработанный Б.Кларком. Им были сформулированы три модели образовательной политики: либеральная (рыночная), государственно-патерналистская, социально-корпоративная.

Для раскрытия проблемы исследования, понимания причинно-следственных связей и факторов формирования моделей образовательной политики в Кыргызстане применялись как общенаучные методы, так и методы исторического исследования, в частности хронологический, фактологический, историко-генетический, ретроспективный методы.

Результаты исследований

Модели образовательных политик государств аккумулируют концептуальные подходы, стратегию, цели и методы управления системой образования. В зависимости от культурных, экономических и политических условий страны могут использовать разные модели. Ключевые из них определены Б.Кларком в виде трех моделей:

- либеральная модель с ведущей ролью рынка;
- государственно-патерналистская модель с ведущей ролью государства;
- социально-корпоративная модель образовательной политики (разрабатывается и реализуется при приоритетной роли образовательных организаций и всего академического сообщества).

¹ Мусаев А.И. Трансформация высшего образования: модели мировых университетов и перспективы для Кыргызстана. URL: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:38377/?from=mnenie&place=search&sth=37117eac4bf2863a5bc91497cccf2954.

² Комлева В.В. Российская наука как стратегический партнер: пути к интеллектуальному суверенитету Кыргызстана // Eurasia today. URL: <https://dostuk.media/2024/08/13/pochemu-v-kyrgyzstane-problemy-s-naukoj-issledovanie-rossijskih-uchenyh/>.

Модели образовательных политик рассмотрены в нашем исследовании с учетом следующих критериев: цели образовательной политики, уровень государственного вмешательства, финансирование образования, доступность образования.

Либеральная модель

Либеральная модель политики в сфере высшего образования основана на доминировании рыночных отношений, образование при этом рассматривается преимущественно как услуга и вид бизнеса. Эта модель связана с либеральной идеологией, которая полагает индивидуальную свободу в качестве основной ценности. Соответственно, рынок образовательных услуг выбирают потребители – студенты и их родители или предприятия. Вузы конкурируют друг с другом за студентов, государственное финансирование и негосударственные фонды. Под «рынком» подразумевается совокупность конкурентных механизмов в системе образования.

Уровень государственного вмешательства. Государство видится неэффективным, бюрократическим институтом, вмешательство которого тормозит рыночное развитие и ограничивает индивидуальную свободу. В рыночной модели политики высшего образования роль государства может быть охарактеризована как «содействующее государство». Государство является гарантом создания равных конкурентных условий деятельности образовательных организаций, а функции контроля за их деятельностью делегированы местным органам власти. Модель предполагает работодателя, ориентированного на «готового» работника, с индивидуальной ответственностью образовательного учреждения за результаты деятельности и с его высокой мобильностью как самостоятельного участника рынка образовательных услуг.

Финансирование образования. Высшее образование является преимущественно платным, однако вузы разрабатывают систему грантов, стипендий и различных других форм поддержки талантливых студентов. Финансирование образования осуществляется за счет средств, предоставляемых частным сектором экономики.

Доступность образования. Высшее образование в модели государственной политики, ориентированной на рынок, представляет широкий спектр возможностей, но его доступность остается значимой проблемой из-за финансовых, социально-экономических барьеров. Такая модель реализуется в Великобритании, США и Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Государственно-патерналистская модель

В данной модели образование является общественным благом, обеспечивающим высокие темпы развития и обладающим положительными институциональными внешними эффектами (способствует приобщению учащихся и студентов к определенным нормам и ценностям жизни).

Уровень государственного вмешательства довольно высокий. Образовательная политика является централизованной, опирается на традиции, бесплатность и до-

ступность высшего образования за счет государственного регулирования. Действуют единые государственные образовательные стандарты, единая система вступительных испытаний. Все аккредитованные государством вузы обязаны соблюдать нормы и правила. Образовательные учреждения ограничены в свободе выбора стратегии развития и при проведении политики государства получают от него гарантию обеспечения своей деятельности. Образование преимущественно финансируется из государственного бюджета, хотя в данной модели могут присутствовать и частные образовательные организации.

Советский Союз – это пример доминирования государства над олигархическим и рыночным взаимодействием [16, с. 181]. Китай остается довольно близким к государственной модели образовательной политики. Преимущественно такая модель государственной образовательной политики поддерживается и в современной России.

В патерналистской модели, распространенной во Франции, Германии и некоторых других европейских государствах, есть ряд своих особенностей. С правовой точки зрения вузы являются автономными в учебной, научно-исследовательской, административной финансовой деятельности. Вместе с тем отношения университетов с государством регулируются и регламентируются законодательными актами, приказами и инструкциями органов государственного управления. Вузовская автономия реализуется в ряде сфер весьма ограниченно (академическая деятельность, финансы), и более существенно – в решении вопросов организационной структуры, форм и методов управления [13, с. 184]. Государство является основным источником финансирования этих сфер. Потоки студентов, организация учебного плана и вся система образования управляются с помощью обширного механизма государственного законодательства и правил государственного бюджета.

Социально-корпоративная модель

Социально-корпоративная модель образовательной политики опирается на академическое сообщество. Образование в данной модели рассматривается в качестве важного инструмента социальной политики, направленной на обеспечение социального равенства и выравнивание экономических и социальных неравенств.

Уровень государственного вмешательства. В социально-корпоративной модели задействовано большое количество субъектов: в ее разработке и реализации принимают участие и государство, и бизнес, и университеты. В рамках этой модели доминантой является академия (университет). Государство в лице централизованной власти берет на себя выполнение планирующей, координирующей и контролирующей функций производства общего и профессионального образования с целью снижения рисков инвестиций в образование. Образовательные учреждения выступают в рамках данной модели в качестве агентов государства в производстве услуг образования, так как государство делегировало им соответствующие полномочия. Учебные заведения нацелены не только на производство специалистов, имеющих высокую денежную оценку на рынке труда, но также на социализацию индивидов

в гражданское общество посредством системы образования, обеспечения экономического процветания государства, для достижения социального признания каждого гражданина, его персональной самореализации, для воспитания активной гражданской позиции.

Финансирование. Образование чаще всего платное, при этом его финансирование реализуется на основе государственно-частного партнерства. Благодаря этому обеспечивается высокий уровень мобильности студентов и преподавателей, а оценка качества образования производится на основе взаимодействия всех заинтересованных участников государственно-частного партнерства.

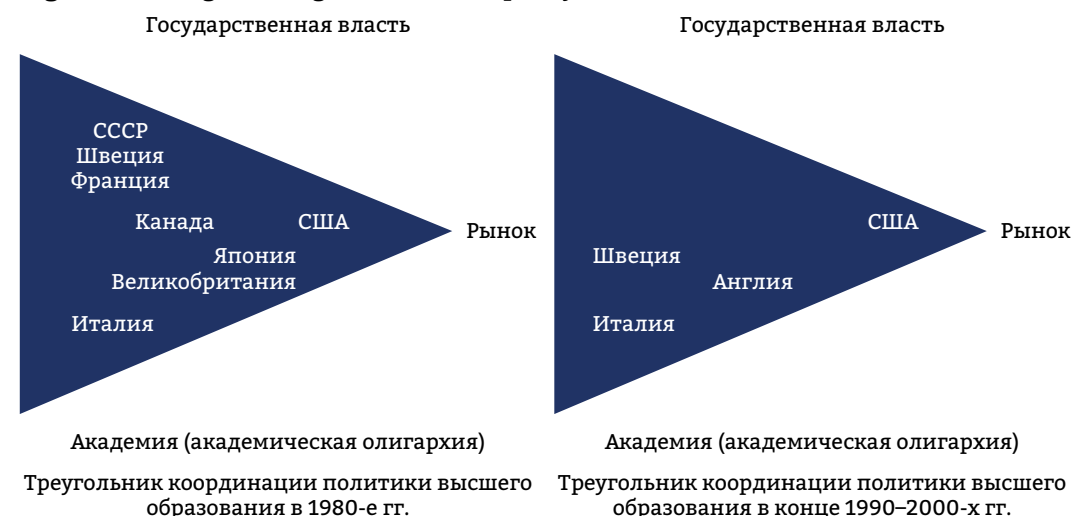
Доступность образования. Входные условия для получения высшего образования очень мягкие, высшее образование в той или иной форме может получить практически каждый желающий, при условии выполнения учебного плана и успешной аттестации. Модель образовательной политики реализуется в Финляндии, Швеции (Северной Европе).

Рассмотренные модели (по Б.Кларку) не существуют в изоляции, а взаимодействуют в различных пропорциях, определяя уникальный баланс в каждой стране. Некоторые системы высшего образования больше зависят от государства, в то время как другие ориентируются на рыночные стимулы или академическую автономию. Любая из существующих моделей образования имеет как достоинства, так и недостатки. В связи с этим в развитых системах образования можно встретить различные модели, в том числе новые, возникающие на основе вышеописанных. В конкретных исторических условиях модели изменяются. Примеры таких изменений представлены на рисунке 1.

В последние десятилетия эти модели развеиваются на фоне формирования глобальной образовательной политики. Акторы глобальной политики втягивают национальные образовательные системы в свою орбиту, оказывая значительное влияние на национальные образовательные системы через механизмы рекомендаций международных организаций и участие стран в глобальных рейтингах (например, Академический рейтинг университетов мира ARWU (Шанхайский рейтинг), рейтинг университетов мира компании Quacquarelli Symonds (QS) и рейтинг университетов мира Times Higher Education (THE)).

Глобальная образовательная политика понимается как целенаправленная деятельность ряда национальных и наднациональных акторов по формированию единой глобальной образовательной повестки, единых правил и стандартов. Глобальная модель ориентирована на развитие международной деятельности, что привело к созданию различных неправительственных организаций, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, ОЭСР. Существуют организации, деятельность которых носит согласующий либо рекомендательно-экспертный характер (для обнародования результатов наиболее существенных тенденций мирового образования) [4]. Принятие решений на глобальном уровне приводит к ратификации решений на локальном уровне. Так, государства, министерства образования формируют свои идеи по поводу того, как должно выглядеть высшее образование в стране, в соответствии с рекомендациями, исходящими

Рисунок 1. Треугольники координации политики высшего образования
Figure 1. Triangles of higher education policy coordination

Источники: [16, 22]

Sources: [16, 22]

от таких организаций, как Всемирный банк, ЮНЕСКО, а также от требований глобализирующейся экономики.

В трактовке Р.Такура и Т.Г.Вайса глобальное управление требует взаимодействия множества акторов – государств, международных организаций, частного сектора и гражданского общества для решения проблем, которые не ограничены национальными границами. Это сопровождается многоуровневым управлением, плюрализмом акторов и может иметь следствием размывание суверенитета.

Глобальные рейтинги вузов оказывают значительное влияние на образовательные политики стран, являясь важным инструментом конкурентоспособности, подталкивая университеты и правительства к реформам, таким как:

- формирование стратегий развития высшего образования, чтобы улучшить свои позиции в глобальных рейтингах и повысить академическую репутацию вузов;
- изменение приоритетов вузов с акцентом на науку и публикации, вузы увеличивают количество публикаций в престижных журналах («Science» и «Nature») и цитируемость (по данным Thomson Scientific);
- фокус на интернационализации побуждает вузы и государства развивать программы академической мобильности (введение англоязычных программ, участие в международных образовательных обменах, таких как Erasmus+);
- стандартизация образовательных процессов, подталкиваемая рейтингами, приводит к тому, что национальные образовательные системы становятся более интегрированными в глобальное образовательное пространство;

● государства связывают выделение финансов с успехами университетов в международных рейтингах.

Таким образом, международные рейтинги вузов являются одним из инструментов включения национальных образовательных политик в систему глобального управления ими.

Обретение суверенитета Кыргызстаном потребовало создания новой модели государственной образовательной политики, отвечающей национальным интересам и новым вызовам, с которыми столкнулась страна. К таким вызовам относились: кризис образования, освобождение от централизованного государственного контроля, нехватка государственной поддержки, снижение престижа образования, сокращение числа студентов, вызванное ростом безработицы, размывание прежней профессиональной структуры, появление новых форм экономической деятельности, не требующих диплома о высшем образовании и т.д.

Анализ процессов формирования государственной образовательной политики позволяет нам выделить как минимум два периода.

Первый период формирования модели государственной политики Кыргызстана в сфере высшего образования (1991–2003 гг.)

Этот период, по мнению И.С.Болджуровой, можно назвать стартовым этапом формирования государственной образовательной политики и преодоления кризисных явлений [7].

Трансформация государственной политики в сфере высшего образования была связана с принятием в 1992 г. Закона КР «Об образовании», который предполагал реализацию модели государственной образовательной политики, ориентированной на рыночные условия и многообразие форм собственности, отказ от государственного планирования рабочей силы. На этом этапе менялась роль государства в системе образования, государство взяло на себя создание «правовых гарантий для свободного функционирования и развития системы образования». Иначе говоря, государство перестает играть роль единственного поставщика образовательных услуг. Подобно государству в либеральной модели политики высшего образования, оно является организатором действий других участников сферы образования. Государство контролирует качество образования, составляет государственные образовательные стандарты, валидирует дипломы.

Эти законодательные положения означали изменение типа образовательной политики в направлении к западным политическим, либеральным моделям. Так, уже в 1992–1993 гг. в Кыргызстане наметилось движение ряда высших учебных заведений Кыргызстана в сторону европейской модели высшего образования. Академия управления при Президенте Кыргызской Республики, Международный университет Кыргызстана, Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына (кыргызско-европейский факультет) начали реализовывать пилотные проекты по подго-

товке специалистов по двухуровневой системе с применением кредитных систем составления учебных планов. Первый выпуск бакалавров и магистров состоялся в 1996 г. [12]. Но понятия «бакалавр» и «магистр» были введены в Закон «Об образовании» только в 2003 г. На этом этапе проводимые реформы образования характеризовались недопониманием стратегий и новых подходов, недостаточностью ресурсов для их реализации, непоследовательностью и запутанностью путей реализации принимаемых решений.

В силу инерционности образовательной системы (как в плане ее перестройки, так и в плане ее результатов) зримого эффекта от изменений, которые были произведены на первом этапе, в короткий срок ожидать было трудно. Требовалась антикризисная образовательная политика. Свообразной антикризисной программой стала Национальная образовательная программа «Билим», принятая в 1996 г. На ее реализацию и поддержку сферы образования были запрошены кредиты Азиатского банка развития (АБР) на сумму 30 млн долл. США. С помощью специалистов и консультантов АБР был составлен Мастерплан, и в процессе его реализации были решены некоторые проблемы совершенствования управления в сфере базового образования, создания национальных стандартов, подготовки и издания учебников на кыргызском языке. АБР было предъявлено несколько внешних критериев к системе высшего образования: оптимизация управления в образовательных учреждениях, включая более прозрачные и эффективные механизмы финансирования; создание партнерств с зарубежными университетами и исследовательскими институтами; внедрение информационно-коммуникационных технологий. Это требовало перехода на рыночные механизмы и повышения автономии университетов, что, в свою очередь, вызывало дискуссии о необходимости учета местных условий и традиций в образовательной среде.

В 1995 г. Всемирный банк в Кыргызстане запустил программы «Проект по улучшению качества образования» (общая сумма финансирования составила 20 млн долл. США) и «Проект по реформе высшего образования (1997–2001)» на сумму около 16 млн долл. США. При реализации реформ, требуемых международными организациями, произошла передача функций управления и контроля из рук государства в руки частных или полугосударственных структур, что привело к уменьшению роли государства в образовательной системе и снижению его возможностей по контролю качества и доступности образования.

В 2002 г. в Кыргызстане было введено Общереспубликанское тестирование (ОРТ). Американское агентство по международному развитию (USAID) совместно с Министерством образования и науки Кыргызстана (МОиН КР) запустили общереспубликанское тестирование (ОРТ), которое стало обязательным для поступления в вузы и повысило прозрачность поступления. С 2002 г. USAID предоставил более 1,1 млн долл. США для оказания финансовой поддержки в администрировании ОРТ, включая обновление базы данных теста, рецензирование и публикацию пособий по подготовке к ОРТ для учащихся, проведение кампаний по информированию общественности по всей стране.

В 1990-е гг. АБР, Всемирный банк, USAID оказали большую финансовую поддержку Кыргызстану в рамках реформирования системы образования, включая высшее образование. Все эти программы имели цель повышения качества и доступности образования. При этом приоритет в решении этих проблем был выбран в пользу начального, среднего общего образования, что в итоге привело к тенденции снижения финансирования высшего образования государством.

Число грантовых (бюджетных) мест в вузах Кыргызстана постепенно уменьшалось и составило в 1993 г. – 82,4%, в 1995 г. – 61,1%, в 1999 г. – 22,1%.

В увеличении бюджетных мест и повышении уровня доступности образования в Кыргызстане в 1990-е гг. сыграли свою роль такие вузы, как Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ), Кыргызско-Турецкий университет имени Манаса. В 1993 г. был создан КРСУ, его финансирование осуществляется на совместной основе: бюджет Российской Федерации обеспечивает выплату заработной платы сотрудников, а кыргызская сторона – расходы на стипендиальное обеспечение студентов и материально-технические нужды. КРСУ поддерживает контакты с Фондом Ельцина, который оказывает значительную финансовую поддержку в виде именных стипендий 50 лучшим студентам, помогает в оснащении университета современным учебным оборудованием. В 1992 г., сразу после образования Содружества Независимых Государств (СНГ), главы правительств подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования и Соглашение о сотрудничестве в области подготовки научно-педагогических кадров и нострификации документов об их квалификации в рамках СНГ. Затем, в 1997 г., было подписано Соглашение о сотрудничестве по формированию единого образовательного пространства СНГ [12, с. 258]. И в 1990-е гг. более 300 студентов ежегодно получали высшее образование в вузах России.

Таким образом, в 1991–2000 гг. в Кыргызстане предпринималась попытка соединения двух моделей государственной политики в сфере высшего образования: государственной, централизованной модели и либеральной модели. Формируемая модель имела все особенности, характерные для стран с переходной экономикой и постсоветским прошлым. Эта модель сочетала черты государственного контроля, попытки модернизации, диверсификации образования, привлечения международной помощи и проведения реформ путем интегрирования в международное образовательное сообщество. Отвечала ли эта модель развития государственной образовательной политики целям, задачам стратегии развития Кыргызстана? Можно резюмировать, что отвечала, учитывая вектор развития высшего образования Кыргызстана в этот период, направленный на либерализацию и попытки переориентировать ее на спрос на рынке образовательных услуг. Не противоречило ли это национальным интересам? Возможно, противоречило. Но в тот период на волне обретения государственности и декларирования независимости были сильны тенденции к национальному возрождению. В вузах одновременно с требованием соответствия стандартов и учебных планов международным стандартам происходила национализация учебных программ, адаптация учебных

планов к национальным особенностям, в том числе усиление роли кыргызского языка, истории, национальной культуры и идеологии.

Второй период формирования модели государственной политики Кыргызстана в сфере высшего образования (2003–2021 гг.)

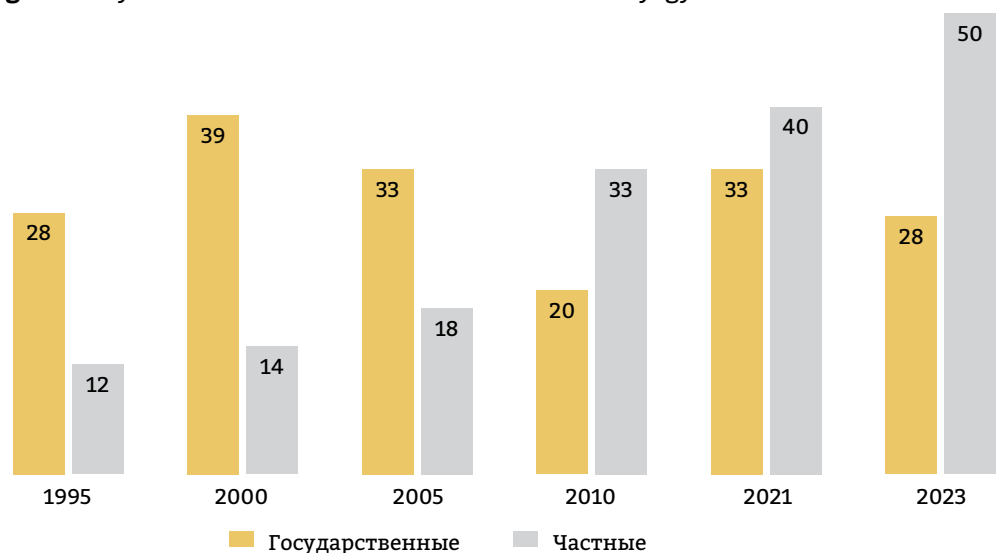
Второй период ознаменовался интеграцией национальной системы высшего образования Кыргызстана в Болонскую систему. С этим процессом были связаны основные реформы, что сказалось на современной системе высшего образования. Следуя мнению эксперта, занимавшего руководящую роль в системе образования, И.С.Болджуровой, развитие государственной образовательной политики можно охарактеризовать как стратегическое [7]. В этот период были разработаны Национальная стратегия устойчивого развития образования КР на период 2013–2017 гг., Концепция развития образования КР до 2020 г., Стратегия развития образования в КР на 2012–2020 гг., благодаря которым в Кыргызской Республике сформировалась система высшего образования, ориентированная на интернационализацию.

На реформирование высшего образования в этот период влияли такие факторы, как спрос на образование, увеличение количества студентов, появление большого количества негосударственных вузов (рисунок 2), увеличение количества коммерческих мест в вузах, изменение понимания сути высшего образования (образование в большей мере стало рассматриваться не как социальное благо, а как услуга), нехватка финансирования, миграция квалифицированных кадров, недостаточное соответствие программ обучения требованиям рынка труда и др.

Ключевые реформы второго периода формирования модели государственной политики в сфере высшего образования. Первыми в Кыргызстане присоединились к Болонской декларации Международный университет Кыргызстана и Бишкекская финансово-экономическая академия (2002 г.). Министерство образования и науки в 2003 г. предприняло попытки официально вступить в Болонский процесс, однако по сегодняшний день Кыргызстан не стал полноценным участником Болонского процесса. Тем не менее в 2011 г. руководители еще 11 вузов Кыргызстана подписали Великую хартию университетов в городе Болонья (Италия), в результате чего эти вузы присоединились к 721 университету из 79 стран мира, подписавшему вышеупомянутый документ. По сути, мы можем говорить о проявлении признаков корпоративной модели государственной политики в сфере высшего образования, так как университеты приняли самостоятельное решение и проявили академическую солидарность.

Реализация принципов Болонского процесса вузами Кыргызстана стала важным шагом на пути к интеграции в европейское образовательное пространство. Вузы начали переходить на кредитно-модульную систему обучения, развивать академическую мобильность студентов и преподавателей. В соответствии с постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 августа 2011 г. № 496 «Об

Рисунок 2. Динамика количества вузов Кыргызстана в 1995–2023 гг.
Figure 2. Dynamics of the number of universities in Kyrgyzstan in 1995–2023

Источник: составлено автором
Source: created by the author

установлении двухуровневой структуры высшего профессионального образования в Кыргызской Республике» и в целях реализации Стратегии образования Кыргызской Республики на 2012–2020 гг. с 2011 / 2012 учебного года в стране введена многоуровневая система высшего образования по подготовке кадров. Данным постановлением утверждены «Перечень наименований направления подготовки бакалавров, магистров и специальностей в Кыргызской Республике», а также макеты государственных образовательных стандартов (ГОС) бакалавров, магистров и специальностей. За 2011–2021 гг. было разработано три поколения государственных образовательных стандартов, которые предоставляют субъектам образовательной системы широкое правовое поле для свободы преподавания и обучения в рамках единого образовательного пространства. Выходя за рамки рассматриваемого периода, отметим, что в 2022 г. были приняты новые образовательные стандарты, существенно расширившие академическую свободу учебных заведений, уменьшив обязательный государственный компонент до 10%. Кроме того, Указом «О мерах по повышению потенциала и конкурентоспособности образовательных организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики» пяти вузам Кыргызстана был придан особый статус с расширенными полномочиями.

В 2020 г. была создана Национальная система квалификации (НСК), включающая 9 уровней, что обеспечивает четкую структуризацию и уровни квалификаций. Принятие НСК является результатом долгой работы по разработке этих рамок системы квалификации с помощью международных организаций. Таковым был про-

ект «Темпус» – «QUADRIGA: Квалификационные рамки в Центральной Азии: Болонские принципы и региональная координация», который функционировал с 2012 г. по 2015 г. Цель проекта – разработка структуры квалификации в Центральноазиатских республиках с учетом опыта ЕС. В рамках данного проекта был разработан ряд нормативных документов: концепция Национальной рамки квалификаций в КР; Национальная рамка квалификаций КР; методика разработки Национальной рамки квалификаций КР; методика разработки отраслевых рамок квалификаций КР на примере сферы информационных технологий. Результаты работ и рекомендации, полученных в рамках вышеперечисленных проектов, рассматривались Министерством образования и науки и Министерством молодежи, труда и миграции КР, в чьи компетенции входят разработка, принятие и утверждение общей национальной рамки. Для развития НСК необходимо, чтобы в Кыргызстане была государственная структура, которая должна (как отметили члены рабочей группы GIZ по развитию навыков и квалификации в Кыргызстане, возглавляемой международным экспертом Элисон Шмидт) координировать все направления работ по квалификациям, оптимизировать то, что уже существует в стране, концептуально проработать «полную картину» об общих целях, преимуществах и потенциале для организации отраслей экономики с целью развития навыков и создания национальной системы квалификации. Необходимо признать, что разработка, внедрение и поддержание этой программы является дорогостоящим проектом для любой страны. Всего пять стран мира реализуют внедрение НСК из собственного бюджета без международной помощи.

В Кыргызстане внедрена система независимой аккредитации, а Независимое агентство аккредитации и рейтинга (IAAR) ежегодно публикует рейтинг вузов. Многие университеты, невзирая на отступления от собственных деклараций о миссии, конкурируют за места в категории «Исследовательские университеты».

Руководство страны, ректоры университетов, правительственные чиновники, родители, студенты руководствуются рейтингами вузов. Их выводы, исходя из этих рейтингов, влияют на принимаемые решения о государственном финансировании, о создании или прекращении каких-то программ, на принятие решения о поступлении в вуз дома или за границей [3].

В этой связи возникает вопрос о влиянии глобальной модели образовательной политики на национальные образовательные модели, на национальную идентичность, формируемую посредством образования. Унификация учебных программ ослабляет акцент на национальные особенности и культурные ценности, уникальные аспекты, связанные с историей, языком, культурой, приводит к сдвигу в сторону «глобальных» ценностей в ущерб национальным, долгосрочным целям развития общества на основе национальной культуры и идентичности.

Государственное финансирование высшего образования. Согласно данным ОЭСР (2008 г.), в Кыргызской Республике были самые большие в мире частные источники финансирования высшего образования. Согласно данным Всемирного банка, государственные расходы на одного студента в Кыргызстане составляли

166,12 долл. США и 223,27 долл. США (в 2010 и 2013 гг. соответственно) [14, с. 19]. На систему образования с 2010 по 2020 г. было выделено Азиатским банком развития 52 млн долл., Европейским союзом – 60,6 млн евро, Всемирным банком – 36,9 млн долл. [14, с. 47–48].

Вклад Евросоюза в сектор образования КР с 2010 г. можно условно разделить на три этапа:

1) 2010–2012 гг. В конце 2009 г. было подписано финансовое соглашение на оказание поддержки Европейским сообществом в размере 5,5 млн евро с 2010 г. Программа направлена на подкрепление основных целей Стратегии развития страны Кыргызстан на 2007–2010 гг. в области образования. Два компонента программы включают в себя: техническую помощь «Подготовка секторальной программы в области образования» и грантовый компонент «Профессионально-техническое образование и обучение»;

2) 2013–2015 гг. По программе поддержки секторальной политики (ППСП), содействия реформе сектора образования в КР бюджетная поддержка составила 17 млн евро, а дополнительная поддержка – 3,25 млн евро. Общий ожидаемый результат программы – более эффективная работа по всему сектору и продвижение к более инклюзивной (содержательной) и эффективной системе образования;

3) 2016–2018 гг. Этот этап характеризуется самым крупным вкладом со стороны Евросоюза в рамках «Контракта на реформу сектора образования» стоимостью 36 млн евро (30 млн евро предоставлены в виде гранта, а 6 млн евро – дополнительная поддержка).

В 2016 г., после выполнения правительством необходимых условий в сфере реформирования системы образования, Евросоюзом был выделен первый транш в размере 10 млн евро. Планировалось еще два транша размером 10 млн евро в последующие два года [14].

Внедрение Болонской системы и кредитно-модульного обучения привело к демократизации образования и расширению частного сектора, повышению мобильности студентов и преподавателей благодаря международным программам.

Однако остается ряд нерешенных проблем: низкое финансирование и материально-техническое оснащение вузов, нехватка квалифицированных преподавателей и их миграция за границу, несоответствие образовательных программ потребностям рынка труда. А также, как упоминалось в управлении процессами внедрения принципов Болонской декларации, важно выстроить рациональную структуру управленческих звеньев, чтобы принимаемые решения получили оперативную вертикальную «проходимость». В Кыргызстане наблюдается управленческий сумбур перекалывания функций с государственного органа на общественные структуры [12].

Перспективы дальнейшего улучшения высшего образования требуют увеличения государственного финансирования и привлечения частных инвестиций в высшее образование, усиления взаимодействия с работодателями для разработки актуальных учебных программ, развития цифровой инфраструктуры для гибких

форм обучения, создания привлекательных условий для преподавателей через повышение заработной платы и поддержку их профессионального развития.

Ведущей тенденцией в государственной политике и в высшей школе КР является интернационализация и курс на открытость в рамках Болонского процесса. В Кыргызстане действует ряд зарубежных и совместно организованных вузов: Американский университет Центральной Азии, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н.Ельцина, Международный университет Кыргызстана (совместно с Университетом Сан-Франциско), Кыргызско-Турецкий университет, Кыргызско-Кувейтский университет, а также кыргызско-американский и кыргызско-европейский факультеты в Кыргызском национальном университете имени Ж.Баласагына и др. Активно развивается многостороннее международное сотрудничество в рамках Университета ШОС и Сетевого университета СНГ, функционирующего по модели, схожей с программой «Эразмус Мундус».

Расширение сотрудничества в рамках СНГ привело к появлению Сетевого университета Содружеств (СУ СНГ) по инициативе Российского университета дружбы народов. В 2009 г. 11 университетов подписали соглашение о консорциуме по созданию Сетевого университета СНГ, Кыргызстан представлял Кыргызский государственный университет имени Ж.Баласагына. В 2001 г. государства-учредители Шанхайской организации сотрудничества подписали соглашение о сотрудничестве в области образования, был открыт Университет ШОС, подписали Хартию Университета ШОС. Кыргызстан входит в УШОС по четырем направлениям (регионоведение, энергетика, IT-технология, экология) и представляется восемью основными вузами страны. В результате такой интеграционной работы неуклонно растет количество студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации, которое к 2017 г. составляло уже 16 тыс. студентов, из которых 5 тыс. студентов получали образование за счет российского бюджета, в 2019 / 2020 уч. году Российской Федерацией было выделено 370 квот бюджетных мест, в 2024 году – уже 700 квот бюджетных мест для Кыргызстана.

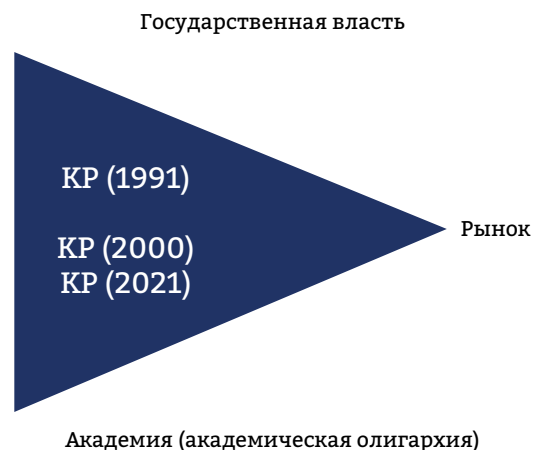
Часть экспертов в этой области считают, что сейчас нет необходимости затрачивать усилия на попытках создать единое образовательное пространство СНГ, тогда как другая часть считает, что Болонский процесс – это европейский процесс, необходимый для создания единого европейского пространства, и поэтому важно подумать о евразийском пространстве со своей системой образования.

Положительная тенденция развития международных отношений проявляется в устойчивом потоке иностранных студентов, по числу которых КР занимает первое место в Средней Азии [9, с. 131], что фактически позволяет считать ее хабом в этом регионе с большим потенциалом для взаимодействия в области образования. Одним из наиболее благоприятных последствий такой политики стала первая позиция киргизской высшей школы Средней Азии по числу иностранных студентов (более 40%).

Модель государственной образовательной политики, реализуемую в Кыргызстане в рассматриваемый период, можно считать государственной моделью с боль-

Рисунок 3. Треугольник движущих сил высшего образования Кыргызстана в 1991–2021 гг.

Figure 3. The triangle of coordination of higher education policy in Kyrgyzstan in 1991–2021

Источник: составлено автором
Source: created by the author

шим влиянием либеральных реформ и началом практики применения социально-корпоративной модели в части передачи большей автономии вузам и участия различных субъектов образования в разработке государственных образовательных стандартов.

Сравнив вышеуказанные два периода развития государственной образовательной политики в Кыргызстане с позиции треугольника движущих сил, предложенного Б.Кларком, мы изобразили изменение модели государственной политики в сфере образования следующим образом (рисунок 3).

Выводы

С 1991 по 2021 г. формирование модели государственной политики в сфере высшего образования Кыргызстана прошло через несколько этапов, каждый из которых отражал новые вызовы и задачи. За этот период государственная политика образования, система высшего образования продемонстрировали готовность к развитию и реформированию. На первом этапе в Кыргызстане применялась государственная, централизованная модель с элементами либеральных реформ, но с особенностями, характерными для стран с переходной экономикой и постсоветским наследием. На втором этапе Кыргызстан попытался объединить элементы государственно-патерналистской, либеральной и корпоративной моделей. В итоге сложилась модель государственной образовательной политики со следующими чертами:

- в образовательной системе сохранялось влияние государства с постепенной либерализацией, передачей вузам автономии, с приданием особого статуса отдельным вузам;
- основное финансирование осуществлялось за счет контрактного обучения студентов;
- привлекалась значительная международная помощь от организаций для внедрения образовательных реформ;
- сохранялись проблемы неравенства в доступе к качественному образованию, особенно в отдаленных регионах и сельской местности (эта проблема сохраняется и в настоящее время);
- началось продвижение инклюзивного образования, но все еще существует нехватка условий для студентов с особыми потребностями.

Существенное влияние на государственную политику в области высшего образования оказывали зарубежные акторы, в частности, в рамках международного консультирования и финансирования, присоединения вузов к Болонской системе, международного рейтингования и др.

Несмотря на реформы и изменения, в рассматриваемый период (1991–2021 гг.) в Кыргызстане не была выработана национальная суверенная модель государственной политики в области высшего образования. Скорее всего, мы можем говорить о смешении разных моделей и некой гибкости государственной политики, связанной с постоянно меняющимися факторами, влияющими на текущее состояние и реформы в высшем образовании.

С 2022–2023 гг. мы можем говорить о начале третьего этапа в развитии политики в сфере высшего образования. Намечились новые тенденции, в большей степени отражающие национальные интересы, которые могут стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Абдыраева Ж.Д. Кыргызстан и Болонский процесс: проблемы и перспективы (на примере кыргызского государственного университета имени И.Арабаева) [Kyrgyzstan and the Bologna Process: Problems and Prospects (on the Example of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev)] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 6. С. 235–238. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.048>. EDN QJCQPZ.
2. Адамкулова Ч.У. Внедрение многоуровневой системы высшего профессионального образования в Кыргызской Республике [Introduction of a Multilevel System of Higher Professional Education in the Kyrgyz Republic] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 21–23.
3. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования [Global Prospects of Higher Education]. М.: ИД ВШЭ, 2018. 551 с.
4. Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики [Current Models of Global Educational Policy] // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 158–168. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>
5. Апезова Д.У. Образовательная политика Европейского союза в условиях глобализации [Educational Policy of the European Union in the Context of Globalization]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2007. 28 с.

6. Бедельбаева А.З. Международная интеграция высшего образования Кыргызстана: проблемы и перспективы [International Integration of Higher Education in Kyrgyzstan: Problems and Prospects] // Вестник КНУ им. Ж.Баласагына. 2017. № 4(92). С. 165–172.
7. Болджурова И.Б. История развития системы образования Кыргызской Республики в переходный период: 1990–2005 гг. [The History of the Development of the Education System of the Kyrgyz Republic in the Transition Period: 1990–2005]: автореф. дисс. ... док. пед. наук: 13.00.01. М., 2006. 26 с.
8. Борукуев Т.С., Саманчин Б.Т., Жимирук Е.Н. Российско-Кыргызский консорциум технических университетов (РККТУ) – устойчивая площадка для плодотворного взаимодействия вузов России и Кыргызстана [Russian-Kyrgyz Consortium of Technical Universities (RCTU) – a Powerful Platform for Fruitful Cooperation between Universities of Russia and Kyrgyzstan] // Инновационное управление персоналом: сборник трудов IX Всероссийского межвузовского Кадрового форума им. А.Я.Кибанова, Самара, 26–27 апреля 2018 г. / ответственный редактор Г.П.Гагаринская. Самара: Самарский государственный технический университет, 2018. С. 23–28. EDN ZAOHNR.
9. Бурангулов Э.Р. Государственная политика в сфере высшего образования как фактор развития международных отношений Кыргызской Республики [State Policy in the Field of Higher Education as a Factor in the Development of International Relations of the Kyrgyz Republic] // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 127–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-127-133>.
10. Водопьянова Е. Итоги постсоветской трансформации высшей школы [Results of Post-Soviet Transformation of Higher Education] // Современная Европа. 2020. № 5. С. 132–141. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020132141>.
11. Джапарова Р. О присоединении Кыргызстана к Болонскому процессу [Kyrgyzstan's Accession to the Bologna Process] // Высшее образование России. 2005. № 10. С. 22–25.
12. Дмитриенко И.А. Государственное регулирование высшего образования в Кыргызской Республике: административно-правовой аспект [State Regulation of Higher Education in the Kyrgyz Republic: Administrative and Legal Aspect]. Б.: Алтын-Принт, 2014. 382 с.
13. Дуран Т.В., Костина Н.Б. Модели политики в сфере высшего образования [Policy models in higher education] // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1. Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 182–186.
14. Заключительный отчет. Анализ финансирования образования в Кыргызской Республике. Проект развития сектора: Укрепление системы образования [A Final Report. Analysis of Education Financing in the Kyrgyz Republic Sector Development Project: Strengthening the Education System] (Грант #0408-KGZ), финансируемый Азиатским банком развития / Составители К.Огава, Н.Токтогулова, Э.Ибраева. Б., 2017. С. 48–50.
15. Каменская Ю.А. Образовательная политика в странах Западной Европы и России: сравнительный анализ [Educational Policy in Western Europe and Russia: Comparative Analysis]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2007. 25 с.
16. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [The System of Higher Education: an Academic Organization in a Cross-National Perspective]. М.: Издательство ВШЭ, 2011. 358 с.
17. Комлева В.В., Таалайбек кызы Ж. Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана [Universities as Subjects of International Relations: The Potential of Kyrgyzstan] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 94–117. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117).
18. Ломакина И.С. Европейская образовательная политика: опыт и перспективы сотрудничества [European Educational Policy: the Experience and Prospects of Society]. Челябинск: ЧГАКИ, 2011. 391 с.
19. Райымбаев Ч.К. Роль университетов в интеграции образования в Азии: Кыргызстан и Россия [The Role of Universities in the Integration of Education in Asia: Kyrgyzstan and Russia] // Алтай-Азия 2022: Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики: сборник материалов V Международного образовательного форума, Барнаул-Белокуриха, 15–17 сентября 2022 г. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022. С. 68–72. EDN SZFNVD.
20. Состояние и перспективы системы обеспечения качества образования в Кыргызской Республике [The Status and Prospects of the Quality Assurance System in Education in the Kyrgyz Republic]: сборник статей. Бишкек, 2021. 109 с.

21. Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России [Higher Education Policy in Europe and Russia]. СПб., 2007.
22. Tashmatova P., Ke S. The push-pull factors influencing local students to choose foreign colleges in Kyrgyzstan // Alatau Academic Studies. 2019. No. 1. P. 33–45. EDN DHMKBL.
23. Tashatobaeva B.E., Chynubaev M.K., Kurmanova N.M. Analysis and research of the needs of the universities of Kyrgyzstan in financial autonomy // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И.Раззакова. 2024. № 1(69). С. 322–333. <https://doi.org/10.56634/16948335.2024.1.322-333>. EDN MSUJPX.

Информация об авторе

КАДЫРАЛИЕВА Нуриза Шералкановна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Кыргызстана, Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>. Адрес: Республика Кыргызстан, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, kadyralievanuriza5@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdyraeva Zh.D. Kyrgyzstan and the Bologna Process: Problems and Prospects (on the Example of the Kyrgyz State University named after I. Arabyev). Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2022; 6:235–238 [In Russian]. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.048>. EDN QJCQPZ.
2. Adamkulova Ch.U. Introduction of a Multilevel System of Higher Professional Education in the Kyrgyz Republic. Azimut Nauchnykh issledovaniy: Ekonomika i Menedzhment [Azimut of scientific research: Economics and Management]. 2017; Vol. 6, 4(21):21–23 [In Russian].
3. Altbach F. Global Prospects of Higher Education. Moscow: ID VShE [HSE Publishing House], 2018:551 [In Russian].
4. Antyukhova E.A. Current Models of Global Educational Policy. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2020; 3:158–168 [In Russian]. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>.
5. Apezova D.U. Educational Policy of the European Union in the Context of Globalization: Abstract. Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Bishkek, 2007:28 [In Russian].
6. Bedelbaeva A.Z. International Integration of Higher Education in Kyrgyzstan: Problems and Prospects. Vestnik KNU im. Zh.Balasagyna [Bulletin of the KNU named after Zh.Balasagyn]. 2017; 4(92):165–172 [In Russian].
7. Boldzhurova B. The History of the Development of the Education System of the Kyrgyz Republic in the Transition Period: 1990-2005: Abstract. Theses ... DSc. (Ped.): 13.00.01. Moscow, 2006:26 [In Russian].

8. Borukeev T.S., Samanchin B.T., Zhimiruk E.N. Russian–Kyrgyz Consortium of Technical Universities (RCTU) – a Powerful Platform for Fruitful Cooperation between Universities of Russia and Kyrgyzstan. Innovative Personnel Management: proceedings of the IX All-Russian Interuniversity Personnel Forum named after A.Ya.Kibanov, Samara, April 26-27, 2018 / Honorary editor G.P.Gagarinskaya. Samara: Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet [Samara State Technical University] 2018:23–28 [In Russian]. EDN ZAOHNR.
9. Burangulov E.R. State Policy in the Field of Higher Education as a Factor in the Development of International Relations of the Kyrgyz Republic. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i Politologiya [Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences]. 2024; 3:127–133 [In Russian]. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-127-133>.
10. Vodopianova E. Results of Post-Soviet Transformation of Higher Education. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2020; 5:132–141 [In Russian]. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020132141>.
11. Dzhaparova R. Kyrgyzstan's Accession to the Bologna Process. Vyssheye Obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]. 2005; 10:22–25 [In Russian].
12. Dmitrienko I.A. State Regulation of Higher Education in the Kyrgyz Republic: Administrative and Legal Aspect. Bishkek: Altyn-Print, 2014:382 [In Russian].
13. Duran T.V., Kostina N.B. Policy models in higher education. Dynamics and Inertia of Population Development and Replacement of Losses in Russia and the CIS: VII Ural Demographic Forum with an international section: collection of articles. Vol. 1. Sociology and History of the Renaissance of the Peoples of Russia. Yekaterinburg, 2016:182–186 [In Russian].
14. A Final Report. Analysis of Education Financing in the Kyrgyz Republic Sector Development Project: Strengthening the Education System (Grant #0408-KGZ), funded by the Asian Development Bank. / Compiled by K.Ogawa, N.Toktogulova, E.Ibraeva. Bishkek, 2017:48–50 [In Russian].
15. Kamenskaya Yu.A. Educational Policy in Western Europe and Russia: Comparative Analysis: Abstract. Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Moscow, 2007:25 [In Russian].
16. Clark B.R. The System of Higher Education: an Academic Organization in a Cross-National Perspective. Moscow: Izdatel'stvo VShE [HSE Publishing House], 2011:358 [In Russian].
17. Komleva V.V., Taalaibek kyzy Zh. Universities as Subjects of International Relations: The Potential of Kyrgyzstan. Rossiya i Mir: Nauchnyy Dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 4(10):94–117 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117).
18. Lomakina I.S. European Educational Policy: the Experience and Prospects of Society. Chelyabinsk: CHGAKI, 2011:391 [In Russian].
19. Rayymbaev Ch.K. The Role of Universities in the Integration of Education in Asia: Kyrgyzstan and Russia. Altai–Asia 2022: Eurasian Educational Space – New Challenges and Best Practices: collection of materials of the V International Educational Forum, Barnaul-Belokurikha, September 15-17, 2022. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet [Altai State University], 2022:68–72 [In Russian]. EDN SZFNVD.
20. The Status and Prospects of the Quality Assurance System in Education in the Kyrgyz Republic: a Collection of Articles. Bishkek, 2021:109 [In Russian].
21. Shpakovskaya L. Higher Education Policy in Europe and Russia. St.Petersburg, 2007 [In Russian].
22. Tashmatova P., Ke S. The push-pull factors influencing local students to choose foreign colleges in Kyrgyzstan. Alatau Academic Studies. 2019; 1:33–45 [In English]. EDN DHMKBL.
23. Tashtovaeva B.E., Chynybaev M.K., Kurmanova N.M. Analysis and research of the needs of the universities of Kyrgyzstan in financial autonomy. Izvestiya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I.Razzakova [Proceedings of the Kyrgyz State Technical University named after I.Razzakov]. 2024; 1(69):322–333 [In English]. <https://doi.org/10.56634/16948335.2024.1.322-333>. EDN MSUJPX.

About the author

Nuriza Sh. KADYRALIEVA. CandSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of History of Kyrgyzstan at Kyrgyz National University, named after Zh.Balasagyn. <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>. Address: 547, Frunze str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan. kadyralievanuriza@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2024. Approved after review: January 15, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.